

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Глобальная экономика страха

Цель: ознакомиться с эссе Сары Ахмед «Аффективная экономика», в частности рассмотреть ее тезис о глобальной экономике страха и природе ее происхождения.

Ключевые слова: аффект, страх, ненависть, тело, убежище.

В данной лекции мы продолжаем знакомиться с эссе Сары Ахмед «Аффективная экономика» и поговорим о том, что она называет глобальной экономикой страха.

Мы можем, утверждает Сара Ахмед, более точно рассуждать о тех процессах, с помощью которых страх работает для защиты форм коллектива. Аргумент С. Ахмед заключается не в том, что существует психическая экономика страха, которая затем становится социальной и коллективной. А скорее в том, что индивидуальный субъект формируется благодаря его соответствию коллективу. Именно неспособность аффекта находиться в субъекте или объекте позволяет ему генерировать поверхности коллективных тел. Сложность пространственной и телесной политики страха никогда, начиная с 11 сентября, не была столь очевидной в глобальной экономике страха. Страх, конечно же, подразумевается в самом названии терроризма: террористы сразу же идентифицируются как агенты крайнего страха, то есть те, кто стремится заставить других бояться, а также те, кто стремится вызвать смерть и разрушения. Как сказал премьер-министр Австралии Джон Говард, «ненависть» бен Ладена к Соединенным Штатам и «мировой системе, основанной на индивидуальной свободе, религиозной терпимости, демократии и международном свободном потоке торговли» означает, что «он хочет распространить страх, создать неопределенность и способствовать нестабильности, надеясь, что это заставит общество и страны обратиться друг против друга». Затем Говард расценивает террористические акты как нападения не только на подвижность международного капитала, но и на подвижность тел австралийцев, на их право «легко и свободно, без страха, передвигаться по миру». Сара Ахмед предлагает альтернативное прочтение того, что движется, и того, что «прилипает», в экономике страха, которая также различает формы подвижности и различные виды телесного ограждения и сдерживания.

В первую очередь мы можем рассмотреть вопрос о том, как защищена подвижность тел субъектов на Западе, представляемая как находящаяся под угрозой, наряду с неявной защитой подвижности капитала в мировой экономике. Самое непосредственное наставление, сделанное субъектам и гражданам в Америке, Австралии и Великобритании, было «заниматься повседневными делами», «путешествовать», «тратить или потреблять» как способ отказа от того, чтобы быть жертвой террора. Действительно, в Соединенных Штатах граждан, по сути, просили не бояться, и нация была представлена не как та, которая боится, а как нация, которая способна показать провал террористических атак, направленных на ее уничтожение. Как выразился Джордж У. Буш: «Естественно задаться вопросом, является ли страх будущим Америки. Я знаю, что впереди нас ждут трудности и опасности. Но эта страна будет определять наше время, а не определяться им. Пока Соединенные Штаты будут решительными и сильными, настоящее не будет веком террора». Нация построена так, чтобы она одержала победу, отказавшись превращать свою уязвимость и раны в страх, ответ, который будет читаться в терминах этого эссе как «определение террором», а не самоопределение. Затем Буш, действуя на основе самоопределения, превращает акт террора в акт войны, который направлен на ликвидацию источника страха и превращение мира в место, где мобильность некоторых капиталов и некоторых тел становится признаком свободы и цивилизации. Это говорит о том, что воздействие террора не было сдерживающим фактором, а послужило самой основой для ремобилизации.

Это не означает, что отдельные лица и группы не испытывали страха в ответ на события; результаты страхов очевидны, например, огромное сокращение воздушных перевозок. Однако нам следует тщательно обдумать это сдерживание, не предполагая, что страх просто объединяет людей или что сдерживание является единственным результатом такого страха.

Когда событие уже произошло и составило объект, страх быстро перешел в тревогу, и речь уже шла не о приближении объекта страха, а о приближении к объекту страха. Приближение к событию включает формы совмещения, в которых люди присоединяются к нации как находящейся под атакой. Это повторяет процесс совмещения, посредством которого нация совмещается с людьми, подвергшимися атаке или находящимися под ней.

Здесь важно не только то, что это совмещение может ограничить подвижность людей, которые теперь чувствуют себя террористическими целями. Скорее, учитывая посредническую

работу этого совмещения, пережитый страх стал существовать как патриотические декларации о любви, которые позволили самому себе мобилизоваться в качестве защиты от террора. Если субъекты оставались дома, то дома превращались в символическое пространство нации благодаря широкомасштабному использованию американских флагов. Здесь мы можем увидеть, что флаг является «липким» знаком, его «липкость» позволяет ему прилипнуть к другим «знакам флага», что создает впечатление согласованности и сплоченности. Флаг как знак, который исторически означал территориальное завоевание, а также любовь к нации, имеет последствия с точки зрения проявления «сострадания» (посредством чего человек оказывается вместе «с одними» и «против других»). Джордж Пэкер в статье в журнале «Нью-Йорк Таймс» хорошо сказал об этом: «Когда флаги расцвели, как цветы, я обнаружил, что они мгновенно набросали эмоции, как фотографии пропавших без вести. Для меня эти флаги представляли собой не дряблое самодовольство, но настороженность, горе, решимость, даже любовь. Они вызывали у американцев товарищеские чувства, потому что мы вместе подверглись атакам». Поэтому отход от объекта страха может включать в себя поворот к дому как «сочувствие». Этот «поворот» связан с повторением знаков «участия». Это превращение может быть понято как обязательное: если не показывать флаг, это может быть прочитано как признак отсутствия участия или даже как источник террора (перефразируя Джорджа У. Буша, если вы не покажете, что вы «с нами», вас будут рассматривать как «против нас»). Таким образом, сходство становится императивом или условием выживания.

Поэтому, если событие террора – стремление вызвать страх – приводит к защите подвижности капитала и подвижности некоторых тел, тогда кого подразумевает террор? Чья уязвимость поставлена на карту? Как было документировано, события 11 сентября были использованы для оправдания задержания любых субъектов, подозреваемых в терроризме. Было не только немедленное задержание подозреваемых в Соединенных Штатах и в европейских странах; правительства на Западе отреагировали на террор, приняв законодательство, которое расширяло их права, чтобы задержать любого, кто подозревается в терроризме. Британская поправка к Закону о терроризме 2000 года гласит, что государственный секретарь может дать разрешение на задержание любого человека, если он считает, что присутствие этого лица в Соединенном Королевстве представляет риск для национальной безопасности или если он подозревает, что данное лицо является международным террористом. Здесь оценка риска становится вопросом доверия, и само подозрение становится основанием для задержания. Расширение полномочий для содержания под стражей не только символично, но и не связано с задержанием террористов: учитывая структурную возможность того, что любой субъект может быть террористом, власть восстановила утерянное за последние десятилетия право жесткого контроля за населением.

Было документировано, что людей задерживали из-за малейших связей между ними и террористическими сетями, часто просто из-за имени, места работы или жительства. Аристид Р. Золберг рассматривает этот процесс как форму расового профилирования, цитируя подробности, данные в «Нью-Йоркер»: «Из 1147 человек, задержанных в Соединенных Штатах с 11 сентября по 11 ноября 2001 года, некоторых арестовывали на основе их косвенных связей с нападением, но многие «были задержаны на основе намеков или потому, что были выходцами из Ближнего Востока или Южной Азии, причем они были остановлены по причине нарушений правил дорожного движения или за осуществление подозрительных действий». Как описывает Мюнер Ахмад, после 11 сентября произошло «безжалостное, многозначное нападение на тела, психику и права арабов, мусульман и южноазиатских иммигрантов». Признание этих групп людей как потенциальных террористов зависит от уже существующих стереотипов, образующих категорию «угрожающего» в настоящем. Мы можем точно вспомнить повторение стереотипов о чернокожем человеке, описанное Францем Фаноном: это повторение работает, порождая «другого» как объект страха, страха, который затем воспринимается как свой собственный (что означает: я боюсь того, что меня боятся, потому что это опасно для меня).

Важно отметить, что слово «террорист» «прилипает» к некоторым телам, когда оно вновь открывает прошлые истории именования, так же, как проскальзывает в других словах в отчетах о войнах в Афганистане и Ираке (таких как фундаментализм, ислам, араб, репрессивный, примитивный). Действительно, плавное перемещение метонимии может функционировать

как косвенный аргумент о причинно-следственных отношениях между терминами (такими как ислам и терроризм) в процессе создания истин и миров, но таким образом, чтобы оно не требовало явного утверждения.

Работа, выполняемая метонимией, означает, что она может переделывать связи – сочетать такие слова, как террорист и ислам вместе – даже когда приводятся аргументы, которые, как кажется, эти связи вообще не затрагивают. Такие высказывания, как «это не война против ислама», сосуществуют с описаниями «исламских террористов», тем самым объединяя слова и представляя их совпадение как нечто большее, чем просто временное. Плавное перемещение (скольжение) между знаками также включает в себя «прилипание» знаков к телам: те, кто «может быть террористом», являются теми, кто может «выглядеть мусульманином».

Учитывая, что это событие стало объектом, который допускал определенные формы насилия и задержания других во имя защиты, нам следует задать вопрос: какую роль играет безопасность в аффективной политике страха? Важно отметить, что безопасность связана с «не», отрицанием тех, кто есть «не я» или «не мы».

Границы возводятся и фактически охраняются тем обстоятельством, что они уже были нарушены: «другой» должен находиться слишком близко, чтобы стать признанным объектом страха и для того, чтобы объект был перемещен. Нарушение границ требуется для того, чтобы укрепить границу в качестве границы в первую очередь. Поэтому политика страха, а также ненависть передается как пограничная тревога: страх говорит на языке «наводнений» и «завалов», когда в него вторгаются неуместные «другие», от кого нация должна защищаться. Мы можем затем размышлять об онтологии отсутствия безопасности в рамках политической власти: необходимо исходить из того, что вещи не являются безопасными сами по себе, чтобы оправдать крайние необходимые меры для обеспечения безопасности.

В частности, именно через объявление кризиса в области безопасности стали оправдываться новые формы безопасности, пограничной полиции и систем наблюдения. Нам следует подумать о том, как повествования о кризисе используются в политике для оправдания «возвращения» к ценностям и традициям, которые, как считается, находятся под угрозой. Дело не просто в том, что эти кризисы существуют, и что страхи и тревоги возникают как необходимый результат этого существования. Скорее, это очень серьезное производство кризиса. Объявить кризис – это не «сделать что-то из ничего»: такие заявления часто работают с реальными событиями, фактами или цифрами (как мы видим, например, в том, как рост числа разводов используется для объявления кризиса в вопросах брака и семьи). Но объявление кризиса оглашает этот факт/цифру/событие и превращает его в объект фетиша, который затем приобретает собственную жизнь. Другими словами, это может стать основанием для объявления войны против того, что рассматривается как источник угрозы. Через обозначение чего-то как уже находящегося под угрозой в настоящем именно это устанавливается как «истина», с которой мы должны бороться в будущем, эта борьба ретроспективно понимается как вопрос жизни и смерти.

На самом деле, это – страх смерти, своей смерти, смерти своих близких, сообщества людей; страх, порожденный повествованиями о кризисе, чтобы сохранить или поддержать то, что есть. С 11 сентября гибель людей стала символом того, что находится под угрозой не только со стороны террористов (тех, кто забирает жизнь), но и со стороны всего того, что означает возможность терроризма, возможность, связываемую некоторыми комментаторами с внутренними формами слабости, такими как секуляризация, мультикультурализм и ухудшение социальных и семейных связей.

Упор на безопасность в обращении Джорджа У. Буша в 2002 году означает преобразование демократического гражданства в полицейскую деятельность. И поскольку правительство работает над обеспечением безопасности родины, Америка будет по-прежнему зависеть от глаз и ушей переживающих граждан. Гражданство здесь переведено в форму «наблюдения за соседом»: гражданин должен «следить за подозрительными другими». Роль граждан как полиции понимается как императив любви, в котором любовь становится основой общества, а также гарантом нашего будущего.

Чтобы быть частью международного гражданского общества, то есть не называться «государством-изгоем» или частью «оси зла», другие должны «имитировать» эти правила поведения

и формы управления. Впредь акцент на ценностях, истинах и нормах, которые позволят выжить, плавно перемещается в сторону защиты определенных социальных форм или институтов.

Страх дегенерации как механизма сохранения/утери социальных форм больше связан с одними телами, чем с другими. Угроза этих «других» социальным формам представляется угрозой отхода от ценностей, которые гарантируют выживание. Эти различные «другие» воплощают неспособность принять установленную форму; именно поэтому близость таких «других» тел «вызывает» страх того, что формы цивилизации (семья, сообщество, нация и международное гражданское общество) выродились.

Те, кто выступает против «истины» этого мира, становятся тогда в один ряд с террористами, стремящимися «разрушить» мир. Поэтому важно то, что нарративы, которые стремятся сохранить настоящее, воздействуя тревогой смерти как необходимым следствием гибели социальных форм, также стремятся обнаружить это тревогу в некоторых телах, которые затем приобретают качества фетиша как объекты страха. Такие тела порождают еще больший страх, поскольку они не могут удерживаться на месте как объекты и угрожают «пройти мимо». То есть, мы можем не видеть тех форм, которых как бы и не было; всегда сохраняется вероятность того, что мы не сможем объяснить разницу. Таким образом, настоящее сохраняется, защищая сообщество от воображаемых других людей, и это означает, что работа защиты никогда не закончится. Такая защита порождается тревогой и страхом за будущее и оправдывает устранение или исключение того, что не может материализоваться в виде борьбы за выживание как нормы. Поскольку мы не знаем, какие формы могут принимать «другие», те, кто не в состоянии воплотиться в формах, определяемых как Норма, то политика постоянного наблюдения поддерживается как проект выживания.

Именно здесь мы можем углубить наши размышления о роли фигуры международного террориста в экономике страха. Крайне важно, что нарратив, который оправдывает расширение полномочий для задержания других людей в стране и потенциальное расширение самой войны для других народов, зависит от структурной возможности того, что террорист «может быть» кем угодно и где угодно. Нарратив о «возможном» террористе, в котором террорист является тем, кто «прячется в тени», имеет две стороны. С одной стороны, фигура террориста отделяется от остальных тел как теневая фигура, способная осуществить «неспецифичный приход к власти». Но эта возможность обособления также позволяет ограничить подвижность тех тел, которые считаются связанными с терроризмом: исламских, арабских, азиатских, восточных. Страх «прилипает» к этим телам (и к телам «стран-изгоев»), которые «могут быть» террористами, где модальное выражение «может быть» открывает возможность задержания.

Страх скользит по таким телам; структурная вероятность того, что террорист может пройти мимо нас, оправдывает расширение форм разведки, наблюдения и прав на содержание под стражей. Страх работает здесь, чтобы расширить подвижность некоторых тел. Самюэль Вебер отмечает: «Когда терроризм определяется как международный, становится сложным найти его, определить, персонифицировать и идентифицировать», и именно эта сложность оправдывает расширение полномочий государства.

Важно признать, что фигура международного террориста была мобилизована в непосредственной близости от фигуры ищущего убежища. Плавный переход между этими двумя фигурами выполняет огромную работу: он предполагает, что те, кто ищет убежища, кто бежит от террора и преследования, могут быть фальшивыми и оказаться агентами террора. Они, как и террористы, идентифицируются как потенциальные грабители, как незаконные нарушители. В Австралии, например, отказ разрешить судну «Тампа» войти в воды (на борту находилось 433 человек, ищущих убежища, многие из которых были из Афганистана) было оправдан на том основании, что те, кто находился на борту, могли быть связаны с Усамой бен Ладеном. «Склеивание» фигуры ищущего убежища и международного террориста конструирует тех, кто «без дома», в качестве источников «нашего страха», и объясняет причины появления новых форм пограничной охраны. Плавный переход метонимии работает, чтобы создать подобие: ищущий убежища «похож» на террориста, агента страха, который может уничтожить «наш дом». Переход между фигурами включает сдерживание других, кто отныне становится объектом страха.

Сдерживание тел других людей, пострадавших от этой экономики страха, наиболее жестоко проявляется в буквальной смерти тех, кто ищет убежища, смерти, которая остается без внимания со стороны стран, воплощающих надежду на будущее для тех, кто ищет убежища. Это пугающее напоминание о том, что поставлено на карту в аффективной экономике страха.

Вопросы для закрепления темы:

1. Как функционирует механизм «склеивания»?
2. Что в экономике страха представляют собой формы подвижности и различные виды телесного ограждения, сдерживания или задержания?

Литература:

1. Howard John. Address to the Australian Defence Association//Australian Department of Foreign Affairs. – 25 October 2001. www.dfat.gov.au/icat/pm_251001_speech.html (доступ 23 июля 2002).
2. Bush W. George. Address to a joint session of Congress and the American people// www.whitehouse.gov/news/releases/2001/09/20010920-8.html (доступ 20 сентября 2001).
3. Bush W. George. State of the Union address, 2002// www.whitehouse.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html (доступ 23 июля 2002).
4. Zolberg R. Aristide. Guarding the Gates. Understanding September 11. – New York: New Press, 2002.
5. Volpp Letti. The Citizen and the Terrorist// UCLA Law Review. – 2002. – 49.
6. Dillon Michael. The Politics of Security. – London: Routledge, 1996.